

Jiddu Krishnamurti

Третье обсуждение в Лондоне

From the series:

XXXXXXXXXXXX X XXXXXXXXXXXX 1965 XXXX

XXXXXXXX 29 XXXX

Когда мы в последний раз встретились, мы говорили о времени; но прежде чем углубиться в это, я бы хотел вначале поговорить о свободе и порядке. Кажется, мы думаем, что свобода – это вопрос времени, роста и развития, что свобода – это реакция. Поскольку мы должны жить в обществе, то проблема в том, может ли в нем быть свобода и при этом порядок? Когда мы ждем, что время принесет порядок, мы обнаруживаем, что время обязательно рождает беспорядок. Наше общество не упорядочено; в нем есть все элементы разрушения и насилия, социальная структура основана на стяжательстве, соревновании и честолюбии, со всеми признаками беспорядка. Думаю, что человек это принимает более или менее как неизбежное, и продолжает прежний образ жизни. В таком обществе не может быть свободы, нет ее также и вне этого общества. Если свобода – это просто реакция, то она вскармливает беспорядок, как и время. Но если мы поймем свободу – не как нечто, культивируемое нами, не как процесс, но и не как нечто, чего необходимо постигнуть, то свобода приобретает совершенно иное значение. Чтобы понять сущность свободы, необходимо также понять природу времени, как физического, так и психологического времени.

Необходимо принять физическое время. Человек не может поступить иначе. Но когда человек смотрит на психологическое время, как средство достижения свободы или мира, он обнаруживает, что такое время только возвращает беспорядок, так как оно возникло не на реальной основе.

То, что мы обсуждаем, – не теория, концепция, нечто, с чем можно интеллектуально забавляться. Мы имеем дело с фактами. В обществе, подобно нашему, свобода означает беспорядок, потому что она воспринимается как реакция, но если человек поймет природу и структуру времени, – вероятно, он сможет понять, что есть тип свободы, не являющийся реакцией. Это не свобода ОТ чего-то.

Есть два очевидных времени: физическое и хронологическое время, и время, создаваемое мыслью,

душой, которое является психологическим временем. Мы имеем дело с физическим временем, но пытаемся определить, может ли человек через психологическое время обрести свободу и, следовательно, порядок. Очень важно быть свободным от страха. Необходимо понять страх и быть полностью свободным от него, иначе, по сути, не может быть порядка ни внутреннего, ни внешнего. Необходимо понять не только природу страха, но также возможно ли освободиться от него немедленно, а не через процесс времени. Если мы сможем освободить ум, он сам освободится от страха. Мы используем время как средство, которым ум может освободить себя. Мы надеемся освободиться от страха, от привычки или яда национализма. Возможно ли это? Может ли человек освободиться от страха через время, возможно ли сказать себе: «Я буду свободен завтра»? Возможно ли быть свободным от страха завтра, ограничиваете ли вы его одним днем, вторым днем или многими годами?

Нет ли к этой проблеме совершенно иного подхода? Страх в любой форме искажает, вскармливает иллюзию, приносит беспорядок. Страх и жизнь в состоянии страха весьма разрушительны для ума. Страх вскармливает иллюзии разного рода и конфликт. Возможно ли быть СВОБОДНЫМ от страха полностью, в целом, не завтра, но в настоящем, которое не является временем? Можно ли понять целиком структуру, природу и значительность страха немедленно, и освободиться от него мгновенно? Если нет, то человек должен зависеть от времени в освобождении ума от страха. Эта зависимость от времени, это использование времени только вскармливает беспорядок. Боится ли человек соседа или идей, или любой иной формы социального или психологического возмущения, это возвращает страх, и это приносит беспорядок.

Возможно ли БЫТЬ СВОБОДНЫМ от страха не только сознательно, но также и на более глубоких уровнях сознания? Без свободы от страха нет мира, будь то между нациями, расами или континентами. Мир невозможен, когда мир разделен не только политически или экономически, но также и религиозно. Если бы человек мог понять что есть мир в действительности, а не теоретически, – не как идею, не как нечто, к чему необходимо стремиться, жить во имя которого как цели или директивы, – он был бы внутренне в полном мире психологически, без каких-либо форм конфликта.

Все религии утверждали, что время необходимо, – мы говорим о психологическом времени. Небеса слишком далеки и человек может достигнуть их только через постоянный процесс эволюции, через подавление, через рост или олицетворение с целью, чем-то высшим. Наш вопрос в том, возможно ли освободиться от страха немедленно. Иначе страх возвращает беспорядок: психологическое время неизбежно возвращает чрезвычайный беспорядок внутри человека.

Я спрашиваю об идее эволюции вообще не физического существа, но мысли, которая олицетворяет себя с определенной формой существования во времени. Мозг, очевидно, развивается, чтобы прийти к постоянному состоянию, и он может развиваться далее, расширяться еще больше. Но как ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО я прожил сорок или пятьдесят лет в мире, составленном из самых разных теорий, конфликтов, концепций, в обществе, где алчность, зависть и соревнование вскармливали войны. Я часть этого всего. Для человека в печали нет смысла в надежде, что время избавит его от нее, ни в дальнейшем развитии как человеческого существа в течении двух миллионов лет. Созданными такими как мы есть, возможно ли быть свободным от страха и от психологического времени? Физическое время должно существовать, вы не можете от этого уйти. Вопрос в том, может ли психологическое время принести порядок не только индивидууму, но также и социальный порядок?

Мы часть общества; мы не отдельные люди. Где нет порядка в человеке, там неизбежно не будет и внешнего социального порядка.

В.: Не является ли основанием страха бессознательное требование освобождения от конфликта?

К.: Сэр, можно легко найти причины осознанных или скрытых страхов анализом, исследованием, наблюдением, углублением в себя. Поможет ли это освободиться от страха? Освободит ли ум от страха раскрытие причины, либо рассказанной человеку, либо раскрытой им в себе? Если человек это открыл сам, это гораздо лучше, чем если ему рассказали это. Обнаружение причины посредством анализа подразумевает время, не так ли? А если человек использовал время как средство нахождения причины страха, что же он в действительности сделал? Когда он нашел причину, что же произошло?

В.: Ничего.

К.: Совсем ничего?

В.: Определенные раскрытия в себе могут приходить как откровения. Это может быть весьма драматично, не как нечто, что человек познает.

К.: Да, это может быть весьма драматично и т. д., но страх все же остается. Послушайте, сэр, кто-то, кого я люблю, умирает. Я ужасно опечален этим и называю это печалью. Я знаю, почему опечален: это потому, что я потерял друга. Я потерял кого-то, кого очень любил, и я одинок. Я неожиданно лишился компаньона, с которым привык обсуждать что-либо. Знание всего этого – разве оно освобождает мой ум от печали? Пожалуйста, рассмотрите это немного более конкретно.

В.: Несомненно то, что заставляет человека чувствовать печаль – это ощущение вины, потому что он был так несовершенен в своих взаимоотношениях.

К.: Да, несовершенен, однообразен и т. д.

В.: Я продолжаю думать об этом.

К.: Это анализ – размышление над чем-то, исследование чего-то с сожалением и повторением, с чувством, «как хотелось бы, чтобы все было не так». Но в конце этого длинного путешествия, открытия, освобождается ли человек от страха или печали? У нас есть объяснения: религиозные, психологические и фактические. Принесут ли они свободу от страха?

В.: Можно смотреть на факты и осознавать их.

К.: Я чувствую, что есть совершенно иной путь решения этой проблемы. Должен быть. При нашем образе жизни мы не разрешили НИ ОДНОЙ проблемы. У нас все еще есть проблема страха, проблема печали и проблема тревоги. Мы все еще продолжаем жить в такой путанице. Я чувствую, что есть реальный выход из этого, если бы мы могли приблизиться ко всей проблеме иначе.

Я вижу для себя, что просто раскрытие причины печали не прекращает печали. Объяснения, сожаления, мысль о том, что «мне хотелось бы, чтобы я лучше относился к другу» – ничто из этого не разрешает и не кончает моей печали. При этом, что же я сделал? При изучении, в поисках причины я потерял время и энергию. Мне необходимо иметь энергию, чтобы встретить нечто, чего я не понимаю. Я вижу, что время, как процесс анализа и исследования причины, только рождает беспорядок и растрчивает энергию. Поэтому я не буду расточать свою энергию в поисках причины. Я очень хорошо знаю, что причина – это жалость к самому себе. Я отбрасываю все это полностью: объяснения, причину, сожаление и жалость к себе, – я отрицаю это и отвергаю полностью, потому что вижу глупость этого. Это не имеет значения.

В.: Пытаясь понять какую-либо проблему или чувство, или печаль, вижу, что это состояние ума.

К.: Послушайте, сэр, мне хотелось бы кое-что передать; мне хотелось бы кое-что сказать вам. Для

того, чтобы понять, что говорит лектор, вы должны слушать. Вы должны слушать не только слова, но также воспринимать чувство, суть, природу и значение того, что лежит за словами. Чтобы слушать, вы должны быть чрезвычайно внимательны. Конечно, у вас есть собственные идеи, ваши собственные мнения, собственный опыт, – оставьте все это на время, не позволяйте им вмешиваться и мешать слушать. Это не означает, что вы должны принять сказанное, но совсем наоборот. Вас не гипнотизируют и не заставляют принимать что-либо, совершенно отличное от ваших идей. Вы просто слушаете, чтобы выяснить. Мы говорили, что, вероятно, есть совершенно иной подход к проблеме печали или страха. Понять и выяснить для себя – для этого нужно не только слушать говорящего, но и использовать говорящего, если только можно использовать слово «пользоваться», видеть правду или ложь в том, что он говорит. Он говорит нечто весьма простое, что человек использовал время при поисках объяснения, для того, чтобы найти причину печали, пытаясь таким образом освободиться от нее. Это то, что человек сделал. Я говорю, что это не путь к свободе.

Вы должны выяснить, что имеет в виду говорящий, что он хочет сказать. Поэтому вы должны слушать. Он говорит, что когда вы анализируете, занимаетесь самоанализом, изучаете причины – это потеря времени и потеря энергии. Чтобы встретить вызов страха или печали, вы должны овладеть всей своей энергией, и потому вы не можете позволить терять ее в попытках найти причину этого.

Я не буду терять ни мгновения, ни йоты энергии на анализ или жалость к себе. Я хочу быть свободным от страха. Я знаю, что случается, если человек боится. Я вижу, что страх искажает, что он препятствует, как он захватывает и как создает иллюзии. У нас есть масса лазеек, и все это – потеря энергии, потому что вовлекается время, а время – это беспорядок.

Я сказал это. Это факт для вас или у вас только словесное понимание? Является ли для вас это таким же фактом, как этот микрофон передо мной – факт? Если я не вижу микрофона и кто-то описывает мне его: что это, каковы его функции, конструкция, – для меня это всего лишь словесное утверждение, но когда я вижу его непосредственно, – это факт. Когда вы голодны, это – факт. Никто не должен вам говорить что вы голодны, или описывать голод. Факт обнажает сущность беспорядка, времени. Пока человек не достигнет точки, где это становится для него фактом, он не может продвигаться дальше. Когда мозг осознает, что время вскармливает беспорядок, и что это факт – не теория, словесное утверждение или интеллектуальная концепция, само осознание творит грандиозную революцию, потому что он отверг психологическое время.

В.: Как вы можете удержать это осознание?

К.: Вопрос не в удержании. Если вы осознаете его, то это так.

В.: Помогает ли окружение осознать?

К.: Нет, оно не имеет ничего общего с окружением. Оно не имеет ничего общего с тем, что человек представляет собой и чего нет. Просто – видит ли человек факт? Сэр, если у вас в ванной есть бутылка с надписью «яд», и вы знаете, что это яд, вы весьма осторожно с ней обращаетесь, даже в темноте. Вы всегда следите за ней. Вы не говорите: «Как бы мне побережиться, как мне быть осторожным с бутылкой?». Вы знаете, что это яд, поэтому вы чрезвычайно внимательны к ней. Время – это я; оно рождает беспорядок. Если это для вас факт, тогда вы сможете пройти дальше – к пониманию того, как освободиться от страха немедленно. Но если вы все еще держите время как средство своего освобождения, между вами и мной не может быть общения.

Вы понимаете, есть нечто гораздо большее: может быть совершенно иной род времени вообще. Мы знаем только два времени: физическое и психическое, – мы уловлены временем. Физическое время

играет важную роль в душе, а душа оказывает важное влияние на физическое время. Мы уловлены этой битвой, этим влиянием. Человек должен принять физическое время, чтобы не опоздать на автобус или на трамвай, но если он ПОЛНОСТЬЮ отрицает психическое время, он может прийти ко времени совершенно отличному, времени ни с чем не связанному. Я хочу, чтобы вы пришли в это время вместе со мной. Тогда время не есть беспорядок: это чрезвычайный порядок.

В.: Сэр, я вижу в психологическом времени, что мой ум спроектировал вперед будущее, которого нет. Это создает беспорядок, потому что я отвечаю за нечто, не существующее.

К.: Совершенно верно.

В.: Однако, это совершается на двух уровнях: сознательном и бессознательном, и очень трудно проникнуть в подсознательное.

К.: Сэр, мы придаем чрезвычайную важность, как мне кажется, подсознательному. Фрейд и компания дали нам что-то совершенно необычное и подавили нас этой ужасной вещью: но я не думаю, что это важно вообще. Это так тривиально, и сознательный ум также тривиален. Почему мы придаем такое большое значение бессознательному и почему не придаем значения сознательному уму? Не потому ли это, что мы не видим, что мысль сама по себе не важна?

В.: Нет ли лучшего использования времени, которое разрушает страх?

К.: Послушайте, сэр. Вы в печали. Я не хочу, чтобы вы были в печали. Поможет ли вам «завтра» избавиться от нее?

В.: Завтра она может уйти, и часто она действительно уходит.

К.: Она может уйти или нет. Обычно нет. Идея того, что она может уйти – всего лишь идея. Это не факт. Человек жил с печалью или обожествлял печаль. Христиане преклонялись перед печалью. В Индии и на Востоке не оправдываются, так как там есть учение о карме. Оправдание печали или обожествление ее – это формы бегства. Некоторые могут бежать через пьянство или наркотики. Вы спрашиваете – есть ли правильное использование времени. Очевидно, есть.

В.: Я полагаю, что мое использование времени в прошлом было ошибочным, так как я его глупо использовал.

К.: Что есть правильное использование времени? Помимо физического времени, времени по часам, что означает время?

В.: Время означает изменение.

К.: Время действительно изменение. Я в печали. Мне необходимо время, завтра, либо следующий момент, чтобы изменить целое. Имеет это место? Когда человек голоден, когда есть реальное требование, разве он говорит: «Хорошо, я подожду до завтра»?

В.: Да, но есть множество других примеров, которые показывают, что следовало работать. Например, я ощущаю желание. Если я ничего не сделаю для него, оно пройдет мимо, и я не буду озабочен необходимостью с чем-то бороться.

К.: Совершенно верно. Обсудите это, сэр, продолжайте.

В.: В качестве иллюстрации, прохождение времени выражается а уничтожении желаний, потому что они становятся болезненными.

К.: Взгляните на то, что вы говорили. Вы говорите, что время, которое является частью

удовольствия, можно использовать для избавления от неудовольствия. Значит, время доставляет вам удовольствие. Это все, что мы хотим.

В.: Не является ли мечтательное состояние ума, в котором нет ни психологического, ни физического времени?

К.: Мечта (сновидение) – это нечто совершенно отличное. Я думаю, что сновидения (мечты) – это потеря времени, потеря энергии. Почему человек видит сны? Совершенно очевидно, не так ли? Человек так ужасно занят в течение всего дня, сознательный ум уловлен своими раздорами и прочими текущими заботами часов бодрствования. Когда человек отходит ко сну, сознательный ум становится несколько менее активным, и так называемое подсознание выпускает свои сообщения как сновидения. Нам не нужно прославлять сны, поскольку затем у нас будут толкователи сновидений и тому подобное /смех/.

Если человек бодрствует весь день, наблюдая все, наблюдая свой путь, разговоры, одежду и мысли, наблюдая свои взаимоотношения с людьми и природой, отдавая внимания всему, что скрыто за этим, то приходит так называемое подсознание, и человеку совсем нет нужды видеть сны (мечтать).

В.: Не можете ли вы указать, почему время, САМО ПО СЕБЕ, никогда не может разрешить проблему?

К.: Я это показал. Послушайте, сэр. Я потерял сына. Я исследую что творится в моем уме. Я вижу, что потерял нечто, на что полагался. Я потерял компаньона, я потерял сына, в которого вложил не только деньги, но и надежды, страхи и ожидания. Я не могу обессмертить себя в нем. Я погружаюсь в жалость к себе и сожаление. Итак, это заняло время. Это заняло день или год: что бы то ни было, это заняло время. Пока я брал время, возникли другие влияния, другие напряжения. Это не только одно продолжительное раскрытие. Вмешиваются и другие вещи. Но причина никогда не приносит правильного воздействия. Когда есть причина и действие, есть и отрезок времени. В этом отрезке времени есть и все виды напряжений: поэтому действие изменено, и то, что было действием – становится причиной новой серии изменений. Никогда нет точной причины и точного действия. Так всего лишь обычное исследование причины, которая произвела мою печаль, становится потерей времени. Если это ясно, то ясно ли это словесно или фактически?

В.: В отдельных примерах, которые вы даете, это несомненно фактическая ясность.

К.: Тогда вы более не зависите от времени.

В.: Я говорю себе, что если бы я был сознателен в течение периода времени, то...

К.: Вы не можете быть сознательными в течение периода времени. В этом случае это становится механическим. Послушайте, сэр. Я вхожу в комнату и вижу цвета различных платьев, дверь, окна, непропорциональные размеры комнаты, свет и все прочее. Я вижу это мгновенно и осознаю свои реакции на все это. Я осознаю, как они возникают, и осознаю свою обусловленность, будь она классическая, Викторианская или какая-либо еще.

В.: Да, вы осознаете, а я нет.

К.: Если вы последуете этим путем, вы обнаружите, не так ли? Но если вы вошли в комнату, огляделись и пытаетесь определить свои реакции, вашу обусловленность, – это займет время. А если вы затратили время, то в это вовлечены и другие факторы, не что-либо одно, и это – потеря времени. Теперь ЯВЛЯЕТСЯ ли это фактом, что вы более не используете времени как средства сознательности, избавления от страха или от печали?

В.: Не приходит ли время только тогда, когда человек начинает мыслить о себе?

К.: Нет, пожалуйста, это не вопрос. Вы предполагаете нечто новое. Хорошо, я скажу: да, конечно. Теперь что же вы собираетесь с этим делать? Опять исследовать, как избавиться от той мысли, что думаете о себе?

Если это факт, не идея, не слово, не интеллектуальное понятие или теория, но нечто реальное, каким оно должно быть по отношению к присутствующим, то мы продолжим. Нет времени, через которое я собираюсь избавиться от чего-то, я знаю – есть страх. Я боюсь общественного мнения, смерти, темноты или своей бабушки. Я также сознаю, что я в печали. Я должен встретить ее без времени. Это значит, что я должен встретить ее со всей своей энергией, вы понимаете, у меня теперь есть энергия. До этого у меня ее не было, потому что я использовал время для бегства. Это приносило беспорядок, потому что ФАКТ – это печаль, а я подставлял другие факторы, не имеющие никакой ценности. Другие факторы были просто избавлением от одного факта. Когда я действительно отвергаю время как идею, концепцию или нечто, что я использовал с целью избавления от страха, то у меня есть ЭНЕРГИЯ встретить это, а все это требует невероятной энергии.

Я боюсь, но более не смотрю на время, как средство уничтожения страха. Я должен встретить его. Теперь, КАК же я встречаю его? Все избавления, объяснения, причины, все пути преодоления его: самонаблюдение, подавление, контроль – ВСЕ это ушло. Все они требовали времени и потери энергии. Тогда как же я встречаю это?

В.: Если все лазейки исчезли, несомненно ушел и сам страх?

К.: Не подходите к этому. Потому что, если вы войдете в это, вы увидите еще нечто, имеющее место.

В.: Но если я не знаю, как это сделать, то...

К.: Тогда это означает, что вы не избавились от концепции времени вообще. Концепция времени как мысль – это удовольствие: вы ХОТИТЕ наслаждения, и вы его продлеваете в различных формах, а потому вы не можете избавиться от времени.

В.: Мы должны встречать его непосредственно.

К.: Чтобы встретить прямо, вы должны знать, вы должны понимать сущность и природу наслаждения. Потому что именно наслаждения мы любим.

В.: Ударение на наслаждение.

К.: Это то, чего мы ищем, то, чего мы ХОТИМ. Мы ХОТИМ наслаждения: мы хотим продолжения наслаждения, непонимание печали, непонимание страха или времени. Мы используем время как средство продолжения наслаждения и бегства от печали: это все, в чем мы заинтересованы.

У человека есть опыт наслаждения, прекрасный закат, красивое дерево, пейзаж, красивое лицо; он получает огромное наслаждение и он хочет, чтобы это повторилось. Повторение ЕСТЬ время, немгновенное наслаждение.

В.: Это очень трудное положение, потому что если человек чувствует страх или печаль, то ум отвлекается от этого всеми этими влияниями, если вы отвергните их, то...

К.: Нет, нет. Когда вы отвергаете время, вы отвергаете его потому что оно – ФАКТ. Вас никогда не потянет в сторону его воздействия, потому что вы знаете его действия. Тогда лишь вас потянет к пропасти, когда при взгляде в нее вы увидите возникающее удовольствие.

В.: Не является ли отрицание такой концепцией времени возвращением к удовольствию?

К.: Нет, совсем наоборот: время как удовольствие – это изобретение мысли.

В.: Нет, я не имею ввиду мысль. Я имею ввиду как опыт.

К.: Вы должны понять наслаждение. Давайте вникнем в него. Чего мы хотим? Действительно, чего все мы ХОТИМ?

В.: Мы хотим быть счастливыми.

К.: Счастье – это наслаждение, продолжение наслаждения, повторение чего-то, что приятно: секса, изображений, опыта, идеи, – всего, что дает наслаждение.

В.: Вы хотите свободы?

К.: Нет, сэр /смех/.

В.: Я имею ввиду свободу от несчастья. Если человек думает о счастье, он автоматически думает об несчастье.

К.: Свобода, не свобода ОТ – просто СВОБОДА.

В.: Просто свобода.

К.: Если вы свободны ОТ чего-то, разве вы свободны?

В.: Нет.

К.: Пожалуйста. У нас осталось так мало времени. Я не нетерпелив или что-нибудь в таком роде, но вы теряете так много просто возвращением назад и назад.

В.: Продолжайте без прерываний, сэр.

К.: Сэр, мое продолжение не так хорошо, поскольку, помимо всего прочего, мы хотим общения друг с другом. Словесное общение вовсе не является общением. Общение имеет место, когда мы обращаемся с фактами, и это – **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** общение. Когда вы **НЕНАВИДИТЕ** меня, вы общаетесь, но если вы равнодушны и я также, – мы не общаемся. Поэтому, взгляните на это, сэр. Как мы говорили вначале, время вскармливает беспорядок. Вы можете видеть, что происходит в мире. Существует голод в Индии и в остальных частях Азии, во многих местах безработица и многие другие ужасные вещи, включая войну, идущую в Азии. Наука могла насытить человека, дать ему одежду и кров, но не может из-за яда национализма, из-за политиков и их идей, их взглядов. Они говорят: «Присоединяйтесь к этой партии, той партии», а весь Восток голодает. Они говорят: «Хорошо, мы должны идти через национализм, через нашу партию», а в это время народ голодает. Итак, вы можете видеть, что время взращивает беспорядок не только политически, но и внутренне. Я вижу для себя как факт, что время растит беспорядок и что человек должен жить в порядке. Иначе мы создаем иллюзии, мы живем в отчаянии. Я вижу это как факт, и время более не существует для человека, который видит это. Я не националист и не принадлежу ни к какой партии. Я не католик, не протестант или хинди. У меня есть энергия, чтобы встретить факт, являющийся страхом, потому что я понял наслаждение. Но большинство из нас хотят лишь одного: наслаждения. Если это сексуальное наслаждение, это всего лишь иная форма наслаждения. Когда человек растет, он питается различными видами наслаждения, а затем неизбежно ищет Бога /смех/ или что-либо еще.

Человек должен понять эту чрезвычайную тягу наслаждения, и когда он понимает ее, он поймет природу времени, которое дает ему длительность как мысли. Все это так просто, сэр, – просто, если вы действительно видите истинную природу времени. Если вы увидите, то что же произойдет?

Время и наслаждение, как закон, более не формируют вас. Вы можете смотреть на факт не в понятиях наслаждения или боли, и следовательно, времени. Что же тогда происходит? Когда вы встречаете факт полностью, в целом, вы встречаете его с миром, который не есть уже наслаждение. Мир – это любовь, не так ли? Пожалуйста, не соглашайтесь: просто исследуйте утверждение. Мир никогда не имеет наслаждения в себе, и это самая прекрасная черта в нем.

А когда время отвергнуто, у вас есть энергия встретить факт. Это означает, что ум пережил революцию и поэтому встречает все в совершенно ином измерении. Если человек знал только наслаждение и его продолжение как времени, как мысли, то он знал лишь конфликт, являющийся беспорядком. Он пытается спастись от этого, загипнотизировать себя деятельностью разного рода, но это единственное, что он знает. Он видит это и полностью отвергает все это. Тогда ум не увлекается наслаждением. Он обладает чрезвычайной энергией, мирной энергией: в нем цвет конфликта и он может встретить страх.

Как мы встречаем страх? Это то, что я хочу знать. Обычно мы встречаем страх попыткой убежать от него; поэтому фактически мы с ним никогда не встречаемся. Мы спасаемся от него словесно, бесчисленными путями, созданными человеком. Мы знаем все это: алкоголь, секс, развлечения, литература, живопись, искусство – что угодно, кроме факта. Когда мы все это прекращаем, ум становится чрезвычайно инертным и очень спокойным. Он не может быть спокоен, когда он всегда, постоянно ищет различных путей наслаждения. Пожалуйста, поймите меня правильно. Нет ничего плохого в наслаждении. Очень приятно смотреть на нечто прекрасное. Но чтобы получить истинное наслаждение от этого, человек не должен настаивать на его продолжении – именно здесь проникает беспорядок.

Когда вы отвергли время, не как реакцию, но вследствие сознания того, что оно творит беспорядок, основанный на законе наслаждения, то у вас появилась энергия, чтобы встретить факт. Тогда уже нет искажения. Наслаждение, которое создает иллюзию и искажение, пришло к своему концу; поэтому факт может быть встречен.

Одним из наиболее трудных для понимания вопросов является полный закон или структура наслаждения. Когда вы очень чувствительны, когда все ваше существо чувствительно: ваше тело, нервы, глаза, уши, – все у вас чувствительно. Простое наблюдение чего-либо очень красивого, или весьма уродливого, – это момент наслаждения, но оно не должно длиться. Когда начинается длительность – человек становится нечувствительным; а состояние нечувствительности – это беспорядок.

Когда человек отвергает время, когда он отвергает наслаждение и его длительность, то имеет место совершенное спокойствие ума, полное спокойствие мозга, и это спокойствие, эта тишина, эта интенсивность являются следствием того факта, который человек видел; и потому во все это не вовлекается никакое усилие вообще. Когда есть наслаждение – есть усилие. Если человек действительно охватил это, его ум вышел из колеи закона времени-наслаждения и потому более не смотрит на время, как средство эволюции, избавления от чего-то или достижения чего-то. Если кто-то умирает, ум встречает этот вызов, этот случай без МАЛЕЙШЕГО ДВИЖЕНИЯ. Это не означает отсутствия сочувствия; Это не означает жестокости. Смерть – это неизмеримая вещь, слишком обширная для понимания хилым маленьким умом. Лишь когда ум спокоен, он может встретить нечто неизмеримое.